

УДК 343.3/7
DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-208-212

Шумкина Анна Владимировна
Anna V. Shumkina

старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)
associate instructor at the department of penal and sentence enforcement law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)
E-mail: shumkianna@yandex.ru

**Об определении авторской модели системы преступлений,
сопряженных с доведением до самоубийства
в уголовном законодательстве Российской Федерации**

**On the definition of the author's model of the system of crimes associated
with driving to suicide in the criminal legislation of the Russian Federation**

Автором объективируется идея об отсутствии унифицированных подходов в вопросах уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с доведением до самоубийства. Обозначаются проблемы технико-юридического и прикладного характера в рассматриваемой сфере. Кроме того, предлагается идея определения системы преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства, которая, по мнению автора, должна включать в себя две самостоятельных группы деяний.

Ключевые слова: уголовно-правовое противодействие, доведение до самоубийства, суицид, преступления, сопряженные с доведением до самоубийства, система преступлений.

The author objectifies the idea of the absence of unified approaches in matters of criminal-legal counteraction to crimes associated with incitement to suicide. Problems of technical, legal and applied nature in the considered area are indicated. In addition, the idea of defining the system of crimes associated with bringing to suicide, which, according to the author, should include two independent groups of acts, is proposed.

Keywords: criminal-legal counteraction, driving to suicide, suicide, crimes associated with driving to suicide, the system of crimes.

По данным Федеральной службы государственной статистики, самоубийство является одной из самых распространенных причин «неестественной» смерти. Только в 2019 году в Российской Федерации 3,6 % смертей лиц в возрасте от 15 до 54 лет приходится именно на суициды. При этом это число равно сумме всех жертв убийств и отравления алкоголем [1].

Мировая статистика выглядит еще более устрашающей. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, опубликованным в 2019 году, ежегодно жертвами суицида становятся более 800 тысяч человек. При этом самоубийство находится на втором месте рейтинга причин смерти людей в возрасте от 15 до 29 лет,

уступая лишь потерям от дорожно-транспортных происшествий [2].

Ввиду исключительного, латентного характера таких происшествий их криминальный характер усматривается достаточно редко. Новый виток актуальности в вопросах противодействия доведению до самоубийства возник из-за широкого общественного резонанса после опубликования результатов журналистского расследования [3], посвященного деструктивным интернет-сообществам — закрытым группам в социальных сетях, подстрекающим людей (прежде всего несовершеннолетних и малолетних) к совершению суицида [4].

Следствием вышеуказанных обстоятельств явилось принятие Федерального закона

© Шумкина А. В., 2021

№ 120-ФЗ, криминализировавшего ряд деяний в статье 110¹ УК РФ (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) и статье 110² УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства). Кроме того, изменилась диспозиция статьи 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) [5].

Следует позитивно оценить указанные изменения ввиду того, что введенные в Уголовный кодекс специальные нормы определили уголовную ответственность за сетевые формы преступной деятельности, направленной на доведение до суицида. В то время как до принятия Федерального закона № 120 объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, в силу указания альтернативного признака способа исключала возможность квалификации таких деяний. Вместе с тем, следственные органы пытались оценивать деятельность «групп смерти» в рамках статьи 110 УК РФ, рассматривая добровольное желание потерпевшего принять участие в «смертельном квесте», проводимом в ночное время, за жестокое обращение, выразившееся в лишении несовершеннолетнего (малолетнего) сна, так как угрозы в их адрес осуществлялись не всегда. Кроме того, даже при наличии угроз они являлись формальными и не содержали обстоятельств, свидетельствующих о совершении действий, реально угрожающих жизни потерпевших и вынуждающих последних совершить акт суицида.

Так, например, приговором Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры М. оправдан в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30 и частью 1 статьи 110 УК РФ (Покушение на доведение до самоубийства). Обвинением установлено, что М., используя компьютер, оборудованный подключением к сети «Интернет», умышленно совершил совокупность последовательных действий, содержащих признаки угроз и жестокого обращения, направленных на доведение Н. до суицида [6]. Вместе с тем, суд в обоснование принятого решения указал, что обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого состава преступления являются общественно опасные последствия в виде смерти или покушения потерпевшего на суицид, при этом последний под воздействием применяемого к нему насилия должен стремиться к лишению себя жизни, а не к достижению иных целей. Кроме того, в описании преступления обвинением не определено содержание жесто-

кого обращения и не приведено его разделение с другим вмененным признаком: «путем угроз».

Таким образом, несмотря на, безусловно, общественно опасное поведение М., его действия остались за гранью уголовной ответственности, предусмотренной статьей 110 УК РФ, что фактически является прямым нарушением концепции субъективного вменения.

Изменения отечественного уголовного закона по введению норм о склонении к совершению самоубийства, содействию совершению самоубийства и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, существенно изменили указанную ситуацию, однако это коснулось в большей степени «сетевых» проявлений деятельности по доведению до самоубийства.

В действительности на законодательном и правоприменительном уровнях проблема криминальной подоплеку суицидального поведения остается недооцененной, так как «преступный суицид» ассоциирован с соответствующей группой уголовно-правовых запретов в рамках главы 16 УК РФ (Преступления против жизни), а именно статей 110, 110¹, 110² УК РФ.

Представители научного сообщества при дискуссии об уголовно-правовом противодействии доведению до самоубийства в целом придерживаются обозначенного подхода, уделяя внимание лишь указанным нормам [7]. В этом ключе весьма показательной является позиция С. В. Филипповой, которая в рамках предмета диссертационного исследования, датированного 2020 годом, относит к поступлениям, инспирирующим суицидальное поведение деяния, запрещенные статьями 110, 110¹, 110² УК РФ, и частично затрагивает статью 105 УК РФ [8].

Необходимо отметить, что попытки определения противодействия доведению до самоубийства в более широкой группе уголовно-правовых норм все-таки встречаются. Например, В. И. Тюнин, Т. А. Огарь, развивая научный спор о преступлениях, сопряженных с доведением до самоубийства, кроме основных норм (ст. 110, 110¹, 110² УК РФ), немного раскрывают и нормы об ответственности за изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), однако напрямую эти нормы с доведением до самоубийства не ассоциируют [9].

Необходимо констатировать, что вопросы уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с доведением до самоубийства, являются не разработанными как на законодательном, так и доктринальном уровнях.

Вместе с тем, определяя систему преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства, необходимо отметить, что ее содержание должно выйти далеко за пределы ст. 110, 110¹, 110² УК РФ и 16 главы Уголовного кодекса в целом.

Нормы об ответственности за доведение до суицида, склонению к нему и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, не способны в полной мере обеспечить должную охрану соответствующих групп общественных отношений от преступных посягательств, сопряженных с доведением до самоубийства, охватывая лишь небольшую область рассматриваемой противоправной деятельности.

В этой связи законодатель формально предусмотрел возможность уголовного противодействия целому комплексу посягательств, последствиями которых может являться самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, указав в более чем 60 нормах (ст. 126, 127, 127¹, 127², 128, 131, 132, 137, 145¹, 167, 183, 201, 201¹, 203, 206, 207, 207², 211, 215¹, 215³, 220, 224, 225, 227, 228², 230, 230¹, 230², 237, 246, 248, 249, 257, 272, 320, 323, 332, 335, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 349, 351, 352) Особенной части Уголовного закона составообразующий, квалифицированный и особо квалифицированный признак «повлекшие (иные) тяжкие последствия». Вместе с тем, необходимые разъяснения для правоприменителей о возможности учета этого обстоятельства разработаны только к преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность и половую свободу [10], и ряду преступлений против государственной власти [11]. По остальным составам преступлений даже при его наличии этот признак, как правило, не применяется, что зачастую влечет прямое нарушение принципа справедливости уголовной ответственности.

Также следует отметить, что при квалификации целого комплекса уголовно наказуемых деяний последствия в виде самоубийства потерпевшего и (или) его близких не учитываются вовсе и не могут быть учтены ввиду отсутствия соответствующего признака в диспозиции нормы, что принуждает следственные и судебные органы квалифицировать такое поведение по совокупности преступлений.

Так, например, приговором Сковородинского районного суда Амурской области от 25 ноября 2019 года по делу № 1-92/2019 Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 163 УК РФ (Вымогательство, совершенное в крупном раз-

мере). Судом четко установлено, что виновный, используя свое физическое превосходство, неоднократно требовал от потерпевшего передать ему денежных средств в размере 500 тыс. рублей. Потерпевший, согласившись на передачу денежных средств, испытывая чувство безысходности, неоднократно осуществлял попытки самоубийства путем повешения, пытался заснуть на улице на кладбище, чтобы замерзнуть [12].

Вместе с тем, сведения о попытке суицида потерпевшего не исследовались судом. Материалы из уголовного дела в порядке статьи 155 УПК РФ не выделялись.

Таким образом, общественно опасные последствия в виде покушения на самоубийство потерпевшего игнорировались правоприменителем. Это может быть связано с отсутствием:

— *во-первых*, квалифицирующего признака, позволяющего учитывать общественно опасные последствия в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего;

— *во-вторых*, рекомендаций высших судов относительно вопросов квалификации вымогательства, повлекшего рассматриваемые общественно опасные последствия.

Следует констатировать, что рассматриваемый пример не является единичным, однако зачастую следственные органы, усматривая последствия в виде суицида потерпевшего при вымогательстве, вменяют статью 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) по совокупности. В то же время вменение по совокупности преступлений не всегда возможно ввиду того, что способ доведения до самоубийства не всегда характеризует основное деяние.

Примером тому выступает приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 8 июля 2015 года по уголовному делу № 1-231/2015, в соответствии с которым Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 163 УК РФ (Вымогательство, совершенное с применением насилия), и оправдан по статье 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) [13].

Основанием оправдания выступил тот факт, что в обвинительном заключении отсутствовало указание о конкретных угрозах виновного, отсутствовали сведения о систематическом нанесении побоев и жестоком обращении с целью доведения до суицида. Побой, по мнению суда, наносились виновным исключительно с целью вымогательства.

Кроме того, суд в качестве аргумента отразил в приговоре тот факт, что оправданный стре-

мился оказать первую помощь потерпевшему после его суицида. Однако это обстоятельство может быть расценено только как фактор, снижающий степень общественной опасности в рамках названной квалификации, то есть учитываться при назначении наказания с учетом конкретных условий содеянного.

Формат научной статьи не в полной мере способствует приведению всех примеров, подтверждающих авторский довод о наличии общественно опасных последствий, связанных с суицидом потерпевшего от преступлений, в структуре которого отсутствует соответствующий признак. Они будут описаны в рамках диссертационного исследования. Вместе с тем, отметим, что проведенное исследование свидетельствует о существенных проблемах в указанной сфере.

Таким образом, система преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства, должна включать в себя две самостоятельные группы деяний, где первая будет включать нормы об ответственности за доведение до самоубийства в контексте уголовно-правовых запретов, предусмотренных статьями 110, 110¹, 110² УК РФ, вторая — деяния, в качестве последствий которых может рассматриваться самоубийство и покушение на самоубийство потерпевшего, при условии что указанные последствия охватывались умыслом виновного. При этом вторая группа рассматриваемых преступлений должна также дифференцироваться на две самостоятельные подгруппы:

1) деяния, в технико-юридической конструкции которых предусмотрен признак наступления «иных тяжких последствий», посредством применения которого возможен учет общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшим;

2) деяния, при квалификации которых учет рассматриваемых последствий осуществляется посредством вменения по совокупности преступлений с нормой об ответственности за доведение до самоубийства либо не учитываются вовсе.

Таким образом, единые унифицированные подходы в вопросах уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с доведением до самоубийства, в настоящее время не разработаны, в то время как общеизвестно, что единообразие, устойчивость и стабильность следственной и судебной практики являются непременными гарантом успеха в противодействии преступности уголовно-правовыми средствами [14].

Примечания

1. Отчет Федеральной службы государственной статистики: «Число умерших в трудоспособном возрасте по основным классам и отдельным причинам смерти на 100 тыс. населения соответствующего пола и возраста за январь — декабрь 2019 года (мужчины и женщины в возрасте от 15 до 54 лет). URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/infographic/ru/ (дата обращения: 03.11.2020).

2. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения (Самоубийство: факты и цифры). URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/infographic/ru/ (дата обращения: 03.11.2020).

3. Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 2016 № 51. С. 2—5.

4. Летёлкин Н. В. Проблемы уголовно-правовой оценки преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (на примере ст. 110 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4 (40). 2017. С. 261—265.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24, ст. 3489.

6. Приговор Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 4 октября 2018 г. по делу № 1-135/2018.

7. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций / А. П. Кузнецов [и др.]. Н. Новгород, 2019. 714 с.

8. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 209 с.

9. Тюнин В. И., Огарь Т. А. Доведение до самоубийства и сопряженные с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 91—97.

10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Российская газета. 2014. 12 декабря.

11. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. 30 октября.

12. Приговор Сковородинского районного суда Амурской области от 25 ноября 2019 г. по уголовному

делу № 1-92/2019 // Архив Сквородинского районного суда Амурской области.

13. Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 8 июля 2015 г. по уголовному делу № 1-231/2015 // Архив Первомайского районного суда г. Ижевска.

14. Лобанова Л. В., Ларионова Л. Н. Содержание квалифицирующего признака «иные тяжкие последствия» в интерпретации Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 41—47.

References

1. Report of the Federal State Statistics Service: "The number of deaths in working age by main classes and individual causes of death per 100 thousand of the population of the corresponding sex and age for January — December 2019 (men and women aged 15 to 54). URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/infographic/ru/ (accessed 03.11.2020). (In Russ.)
2. Information bulletin of the World Health Organization (Suicide: facts and figures). URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/infographic/ru/ (accessed 03.11.2020). (In Russ.)
3. Mursalieva G. Groups of death. *New newspaper*, 2016, no. 51, pp. 2—5. (In Russ.)
4. Letelkin N. V. Problems of criminal legal assessment of crimes committed using information and telecommunication networks (for example, article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (40), pp. 261—265. (In Russ.)
5. On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms for countering activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: federal law no. 120-FZ dated 07.06.2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 24, art. 3489. (In Russ.)
6. Verdict of the Nyagan City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra dated October 4, 2018 in case no. 1-135/2018. (In Russ.)
7. Kuznetsov A P. [and others]. Criminal law of Russia. General part: a course of lectures. Nizhny Novgorod, 2019. 714 p. (In Russ.)
8. Filippova S. V. Inclination to commit suicide or assistance in committing suicide: criminal law characteristics and problems of qualification. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2020. 209 p. (In Russ.)
9. Tyunin V. I., Ogar T. A. Driving to suicide and related crimes. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (77), pp. 91—97. (In Russ.)
10. On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 04.12.2014 no. 16. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, December 12. (In Russ.)
11. On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of October 16, 2009 no. 19. *Rossiyskaya gazeta*, 2009, October 30. (In Russ.)
12. Verdict of the Skovorodinsky District court of the Amur Region of November 25, 2019 in criminal case no. 1-92/2019. *Archive of the Skovorodinsky District court of the Amur Region*. (In Russ.)
13. The verdict of the Pervomaisky District court of Izhevsk dated July 8, 2015 in criminal case no. 1-231/2015. *Archive of the Pervomaisky District court of Izhevsk*. (In Russ.)
14. Lobanova L. V., Larionova L. N. The content of the qualifying feature "other grave consequences" in the interpretation of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation. *Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 5, Jurisprudence*, 2016, no. 2 (31), pp. 41—47. (In Russ.)